

УДК 821.161.1–7:94(450).093.3

**ЛИВИЙСКАЯ ВОЙНА 1911 – 1912 ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ
САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Т. А. Филиппова

Российская академия наук,
Институт востоковедения, отдел истории Востока, Москва

В статье исследуется восприятие российской сатирической прессой (журналы «Сатирикон» и «Шут») событий в Северной Африке и в зоне Проливов, связанных с боевыми действиями между Италией и Турцией. Основным объектом внимания в данной работе является процесс конструирования образ «турка» и «итальянца» на страницах российской печати как отражение отношения общества к войне.

Ключевые слова: Итало-турецкая война, Ливийская война 1911–1912 гг., Триполитания, Османская империя в начале XX века, «восточный вопрос», итальянский империализм в Африке, русские сатирические издания.

Парадоксальность этой войны, оставшейся в истории сразу под тремя названиями – Ливийская, Триполитанская, Итало-Турецкая, состояла в том, что противоборствующие в ней стороны являлись военными союзниками: Турция была сателлитом Германии, а Италия в те годы – членом Тройственного союза. И хотя территориальная целостность Османской империи гарантировалось Англией, Францией, Германией и Россией, нападение Италии на турецкие владения в Северной Африке (Триполитания и Киренаика) не встретило со стороны великих держав сколь-нибудь внятного, организованного протеста. Образцовая поначалу военная операций итальянских войск – высадка на побережье, в африканских владениях османов, скорый захват береговых позиций и городов – не обеспечили лёгкой и полной победы. Завоевание страны, особенно внутренних районов Ливии, оказалось делом весьма хлопотным и опасным из-за сопротивления местного (и по сию пору боевитого) населения – арабских партизан и племён бедуинов.

Трудности в деле «углубления» африканских завоеваний привели к «расширению» географических амбиций Италии, распространившей боевые действия и на иные турецкие владения – укрепления в Дарданеллах, Додеканесские острова, Бейрут... Но окончательную победу Италии принесли не столько её боевые действия, сколько приближение другой – Балканской войны, угроза которой вынуждала Турцию принять итальянские условия и смириться с превращением Триполитании и Киренаики фактически в итальянскую колонию. В итоге Италия начала претендовать на статус великой державы, при этом так и не разгромив ни турецкие регулярные

войска, ни арабские иррегулярные отряды. Примечательно, что это был, по мнению Доминика Ливена, едва ли не последний случай «арабской лояльности» в отношении империи османов как империи мусульманской, по привычке воспринимавшейся как защитница от европейской угрозы¹.

В ходе Ливийской войны², длившейся год и двадцать ней (с 29 сентября 1911 г. по 18 октября 1912 г.), многое было впервые: применение авиации в бою, использование прообраза современной авиационной бомбы, бомбометание с дирижаблей и самолётов, использование радио в военных целях, разведывательные действия с воздуха. Однако в социокультурном и историко-психологическом плане наиболее интересным в этом контексте представляется сюжет сугубо гражданского и весьма «отечественного» свойства: как российское общество реагировало на эту необычную войну. Ведь одной из воюющих в ней сторон была Османская империя, враг исторический, традиционный, давно в этом качестве «приватизированный» массовым русским сознанием. Можно ли описать отношение российского общественного мнения к Италии в этой войне формулой: «враг моего врага – мой друг»?

Свой ответ на это вопрос даёт сатирическая печать эпохи, популярнейшие в тогдашнем российском обществе журналы «Сатирикон» и «Шут», имевшие широкий читательский адресат – от простого обывателя, городского мещанина, до представителей интеллигенции разной степени политической ангажированности.

Надо отметить, что в целом активизация политики Италии, и прежде всего, политики экономической, в отношении ряда турецких владений, начавшаяся ещё на рубеже веков, не ускользнула от внимания российских наблюдателей. Она проявлялась в откровенной торгово-экономической экспансии на балканских рынках, в вилайетах Османской империи, кои так и не удалось монополизировать даже Австро-Венгрии³.

Прогрессирующее увеличение доли Италии, молодой колониальной державы, в общем внешнеторговом балансе всё менее *Блистательной Порты* недвусмысленно свидетельствовало о серьёзности итальянских на-

¹ Этот видный британский империолог уточняет свою мысль: «Ещё в начале XX века большинство арабов лояльно поддерживали бы такую мусульманскую империю, которая обеспечила бы их защиту от христианского вторжения и аннексии. Но и без того уже достаточно сильные сомнения арабов на этот счёт подтвердились во время первой мировой войны. Если османы не в силах защитить их или дать им ту безопасность, которая является *raison d'être* империи, у арабской знати нет другой альтернативы, кроме как стоять каждому за себя. (Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2001. С. 252. Подробнее на эту тему также см.: *Kayagli H. Arabs and Young Turks, Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire: 1908 – 1918/ Berkely: Univ. of California Press, 1997*).

² В отечественной историографии имеется специальное исследование, посвящённое событиям этой войны: *Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911 – 1912 гг. М., 1967*.

³ См. об этом подробнее в: *Внешнеэкономические связи Османской империи в Новое время (конец XVIII – начало XX в.) М., 1989. С. 149–150*.

мерений в регионе⁴. Причём экономические интересы предпринимателей в этом процессе находили поддержку в геостратегических замыслах государственных деятелей Италии, ещё более настораживая «старые» империи. Прежде всего – Австро-Венгрию и Россию⁵, традиционно присутствовавших во всех коллизиях, связанных с судьбою Османской империи, давно приобретшей репутацию «больного человека Европы».

Неудивительно, что и случившаяся осенью 1911 г. война в Северной Африке не стала неожиданностью для российских властей. Более того, ст. 5 Соглашения, достигнутого в 1909 г. российским императором Николаем II и королём Италии Виктором Эммануилом III в Раккониджи, недвусмысленно фиксировала итальянские интересы в Ливии в обмен на поддержку российских интересов в вопросе о проливах. По сути, это должно было обеспечить Италии благожелательную позицию России в случае захвата Триполи и Киренаики. Однако предыстория Соглашения, позволившего на какое-то время говорить о дружественном «духе Раккониджи» в отношениях между двумя странами, поясняет причины недолговечности этих договорённостей, недолговечности, предопределённой тем ненадёжным основанием, что обе стороны прежде всего *дружили против* (а именно – против Австро-Венгрии).

Новый аспект в отношениях между Россией и Италией проявил себя после (и в результате) англо-русского соглашения 1907 г. по поводу раздела сфер влияния в Азии и разрыва балканского соглашения между Россией и Габсбургами. Ещё одной точкой соприкосновения стало строительство железных дорог на Балканах⁶, в связи с которым и России, и Италии стало жизненно важным не допустить Австро-Венгрию к Эгейскому морю. Приход к власти младотурок и аннексия Австрией Боснии и Герцеговины ещё более обострили балканские интересы России и Италии. Поэтому достигнутое в Раккониджи

⁴ С начала XX в. к моменту Итало-турецкой войны доля Италии как торгового партнера Османской империи в относительных цифрах увеличилась в сфере импорта более чем в два раза, а в области экспорта – в три раза. См.: *Issawi Ch. The Economic History of Turkey. 1800 – 1914. Chicago, 1980. P. 79.*

⁵ С. М. Иванов обозначает параметры и масштаб этого процесса в регионе в начале XX в.: «Итальянский капитал стремился вытеснить Австро-Венгрию с албанских рынков и создать там собственную зону торговли. К осуществлению этой задачи итальянская буржуазия приступила, широко используя материальную поддержку государства и, в частности, значительные субсидии правительства национальным пароходным кампаниям. Не случайно поэтому число итальянских торговых судов. Общим же итогом торгово-экономической конкуренции “старых” и “молодых” колониальных держав в Османской империи явилось прогрессирующее увеличение доли последних во внешней торговле этой страны». (*Иванов С. М. Торгово-экономическое соперничество западных держав в Османской империи и формирование в ней зон иностранного экономического влияния // Внешнеэкономические связи Османской империи. С. 149.*)

⁶ Итальянский исследователь Джорджо Петракки поясняет эту ситуацию, говоря о том, что в тот момент существовало два соперничающих и противоборствующих проекта: австрийский проект ветки «Вена – Салоники» и сербский проект трансбалканской магистрали «Дунай – Адриатическое море». (См.: *Петракки Дж. Груз наследия. Дипломатические отношения Италии и России (1861 – 1922) // Родина. 2011. № 4. С. 139.*)

Соглашение не столько укрепляло отношения между сторонами, сколько создавало новые проблемные узлы геополитического свойства. Не удивительно, что военный конфликт между Турцией и Италией, во многом спровоцировал последовавшие за тем Балканские войны. Тогда как «обновлённый министром иностранных дел, маркизом ди Сан-Джулиано, Тройственный союз рассеяли всё, что осталось от “духа Раккониджи”»⁷.

Вскоре после начала Итало-турецкой войны, в конце сентября 1911 г., журнал «Шут» помещает примечательную карикатуру, свидетельствующую о том, что и для российской сатирической печати начавшаяся война также не были неожиданностью.

Фигура Марса грозно возвышается на фоне земного шара, на поверхности которого два маленьких человечка, размахивая оружием, отчаянно дерутся. Бог войны с довольной, плотоядной улыбкой приговаривает: «Молодцы ребята – наконец-то проснулись! Позабавьте-ка меня, старика, да поглотайте вместо макарон и табачного дыма – свинцу да дымку порохового! Хе-хе!...»⁸

Характерно, что *макаронно-табачная* ироническая метафорика в изображении итало-турецкой темы станет незатейливым, но устойчивым сатирическим штампом, неизменным рефреном многих публикаций в русской сатирической печати на тему *национального колорита* войны в Северной Африке. Примечателен ещё один сюжет, оказавшийся символически связанным с образом бога войны. Той же осенью 1911 г. в одной из антивоенных статей Бенито Муссолини (в ту пору пацифист) рисует образ войны в Ливии, будто комментируя картинку из русского журнала: «С каждым днём огромная пирамида из принесённых в жертву человеческих жизней всё нагляднее вздымает свою окровавленную вершину. Там, на вершине, ждёт Марс, и адская улыбка кривит его ненасытный рот». (Тогдашний антивоенный пафос высказывания стоил Муссолини нескольких месяцев тюремного заключения.⁹)

Поначалу журналистам-сатирикам, наблюдавшим за начальным этапом войны, похоже, даже не хватало событий, ощущалась жажда дальнейшего развития итало-турецкого «сюжета». И в самом деле: явное превосходство Италии на море, лёгкость высадки итальянских войск на африканском побережье, занятие ими почти без боя прибрежных городов – вся эта победная волна наступления на турецкие владения в Северной Африке быстро захлебнулась из-за сопротивления местного населения (едва ли не в большей степени, чем из-за действий регулярных турецких войск).

По поводу «местного населения» следует сделать важное уточнение, добавляющее интересные оттенки в восприятие темы и её дальнейшую трактовку. Говоря об исторически нараставшем разнообразии репертуара в изображении «врагов с Востока» на Западе, глубокий исследователь этой темы Эндрю Уэткрофт, автор монографии со знаковым названием «Невер-

⁷ Петракки Дж. Указ. соч. С. 139.

⁸ Шут. 1911. № 39. С. 11.

⁹ Подробнее об этом эпизоде из жизни Б. Муссолини см.: *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino, 1965.*

ные. История конфликта между Христианством и Исламом», пишет о том, что к концу XVIII в. «актёры» на этой историко-географической «сцене» сменились. «До XIX века неверный был “турком”, но в течение первой половины нового столетия Европа вновь открыла для себя того, кого путешественник-писатель А. В. Кинглейк в своей книге Эотен (1847) назвал “Истинный Бедуин”»¹⁰. Обитателя пустыни европейцы наделили качествами «Благородного Дикаря, свойствами, которые никогда нельзя было бы применить к османам»¹¹.

Примечательно, что по отношению к «обитателям пустыни», принявшим на себя в Северной Африке натиск итальянцев и во многом предопределившим затяжной характер боевых действий в ходе Ливийской войны, в российском общественном мнении и в печати вообще не существовало настроений вражды. Турок-осман и кочевник-бедуин вполне дифференцированно воспринимались даже на уровне обыденного сознания. При этом геройское сопротивление свободных племён очередному агрессору вызывало скорее романтическое сочувствие, добавляя, как увидим далее, критического отношения к военной акции европейской державы в турецких владениях в Северной Африке.

Итак, к началу зимы 1911–1912 гг. победное продвижение итальянских войск в глубь страны явно затормозилось, что изрядно забавляло сатирическую печать, охотно использовавшую итало-турецкий конфликт как информационный повод для наполнения своих внешнеполитических разделов. Выигрышность темы оказывалась бесспорной в жанрово-медийном отношении, позволяя позлорадствовать сразу над обеими сторонами – и над плачевным положением турок, и над не столь уж бесспорными достижениями *легкомысленных* итальянцев в ходе затянувшихся военных действий.

Отражая этот момент перехода от военных побед к затишью позиционных действий, журнал «Шут» публикует на обложке своего номера ироническое стихотворение:

*Война идёт, а нет сражений?
И пушки с ружьями молчат.
Корреспонденты (где их гений?)
Сидят без дела и ворчат.

Киянти выпив, итальянец,
Донельзя весел, а не зол,
В руках с гитарой пляшет танец,
А турок прячется под стол.*

Карикатура иллюстрирует этот стихотворный сюжет, довольно беззлобно изображая лихого, моложавого, легкомысленно-самоуверенного красавца-итальянца, отплясывающего под собственную игру на гитаре, от

¹⁰ См.: Kinglake A. W. Eothen. London: J. Ollivier, 1847. P. 180.

¹¹ Wheatcroft A. Infidels. A History of the Conflict between Christendom and Islam. L.: Penguin Dooks Ltd., 2004. P. 277.

звуков которой маленький, перепуганный старичок-турок, скрючившись, в ужасе затыкает уши¹².

Почти одновременно с «Шутом» тему итальянских «макаронных» побед подхватывает «Сатирикон», отмечая явную независимость Италии от мнения международного сообщества, критически наблюдающего за поединком воюющих сторон, но вяло реагировавшего на него. На сатириковской карикатуре одна из «сторон» уже рухнула на пол бойцовского ринга: мускулистый молодой итальянец успешным приёмом ставит на колени стареющего турка под комментарий европейского дипломата – «рефери» поединка:

– *Неправильно! В настоящей борьбе макароны недопустимы, а вы угощаете противника макаронами!*

На что следует вызывающе дерзкий ответ «Италии» мировому сообществу:

– *На то мы и итальянцы!*¹³

Не отказывает себе в удовольствии позлорадствовать над военными неудачами традиционного противника – Османской империи – и «Шут». Наиболее типичная из многочисленных журнальных стихотворных острот на тему турецких поражений в войне с Италией полна незатейливых каламбуров и иронии над поведением прежде грозных османов, неспособных ныне организовать сопротивление молодому агрессору:

I.

*Луцуют турок в Триполи,
Болят ряды турецких шей;
Валятся с ног «ага» с «вали»,
А «бей» кричит: «Оставь, не бей!»*

II.

*Кисет-паша в большой печали:
Когда быстрее зайца он
Из Триполи бежал, украли
Его любимых восемь жён.*

III.

*Больному тяжко человеку,
И растерялся он совсем:
Ему бы надо ехать в Мекку,
А он направился в гарем¹⁴.*

Иной аспект боевых действий и их последствий подчёркивает «Сатирикон» в серии карикатур-комиксов, созданных по свежим следам боёв в окрестностях Триполи в октябре – ноябре 1911 г. Во время этих событий итальянцами была применена авиация для бомбометания. Впрочем, «собы-

¹² Шут. 1911. № 41.

¹³ Сатирикон. 1911. № 41. С. 9.

¹⁴ Шут. 1911. № 44. С. 6.

тия в Шарашате» (так был назван этот военный эпизод в печати), при всей своей ожесточённости и новизне военной тактики, не привели к окончательной победе итальянских войск, а сама война вступила в окопно-позиционную стадию. На сатириконовских рисунках гордый и заносчивый, но всё более изнурённый итальянец изо всех сил – но безуспешно! – пытается расколоть игрушечную фигурку турка, напоминающую известного «Ваньку-встань-ка»¹⁵.

Начало нового, 1912 г., принципиально не изменило оценку ситуации в Северной Африке; «Сатирикон» комментирует своеобразие момента карикатурой одного из своих известнейших художников, А. Юнгера, изображающей противников, уснувших от усталости, сидя спиной к спине. Их ружья затянула паутина¹⁶. Характер изображения действующих лиц военного конфликта, эмоциональный настрой и стилистика рисунка позволяют говорить здесь о нейтральной позиции автора: перед глазами читателей предстают прежде всего смертельно изнурённые люди, не без доли сочувствия увиденные карикатуристом.

Параллельно в российской сатирической прессе нарастает тема, которой – по мере развития Итало-турецкой войны и приближения её к концу – суждено будет стать едва ли не центральной. Смысл и цель её – демонстрация цинизма и корыстолюбия западных держав, стремящихся добыть себе максимум выгод из этого военного конфликта. (Молчанием обходится далеко не бескорыстное стремление российского правительства воспользоваться ситуацией, чтобы добиться открытия проливов для своего военного флота – на фоне турецких поражений в сражениях с итальянцами.) Главным интриганом в сатирических зарисовках «Шута» выступает, как правило, Германия, не только не смущённая фактом войны между своими союзниками, но и под шумок «драки» готовая немного пожить за счёт обоих. На одной из карикатур у полуразвалившегося дощатого забора ожесточённо спорят турок и итальянец, меж тем как из щели в заборе тянет руку германский кайзер, намереваясь утешить брошенные спорщиками на землю пожитки. Подпись столь же красноречива и однозначна:

Вильгельм: «Мне все предлагали посредничество между этими пехотками... что ж, я всегда готов служить идее мира... Попробуем вот так... потихонечку и незаметно “содействовать” их примирению»¹⁷.

Понимание того факта, что итало-турецкий конфликт стремительно перерастает локальные рамки, становясь предвестником новых войн, всё явственней и тревожней звучит в русских сатирических изданиях. Значительное расширение контроля за ливийским побережьем со стороны Италии на протяжении зимы – лета 1912 г., нападение в Дарданеллах итальянских кораблей на турецкий флот, обстрел турецких укреплений в Дарданеллах в апреле и захват итальянскими войсками оазисов Занзур и Лебда,

¹⁵ Сатирикон. 1911. № 44. С. 12.

¹⁶ Там же. 1912. № 6. С. 16.

¹⁷ Шут. 1911. № 44.

боевые действия против турецких владений в Эгейском море и захват Додеканесских островов в мае, поражение турецких войск в сражении при г. Дерна в июле – все эти события, расшатавшие и без того неустойчивое положение в регионе, вызывают всё большие опасения российской печати, способствуя эмоциональной и нравственной переоценке отношения к воюющим сторонам и к войне в целом.

В прессе нарастает мотив аморальности войны как таковой. Ширящаяся география боёв, растущее число жертв с обеих сторон, втягивание новых сил в конфликт, позиция европейских держав, активно манипулирующих судьбами людей и народов на фоне эскалации военных действий, – всё это символически отражается в образе Смерти, путешествующей по страницам «Сатирикона» в поиске новых жертв. Уже не величественная фигура Марса, а безглазый череп, оскалившись, всматривается в трагические пейзажи после битвы, от вида которых лицемерно отворачиваются фигурки европейских политиков. Одна из журнальных полос представляет собой целую серию карикатурных изображений того, как Европа «сдаёт экзамены на войну» – проводит грандиозные военные манёвры, подстрекает союзников и провоцирует противников, не обращая внимания на страдания мирных жертв военных действий¹⁸. Смерть же, наблюдая за бодро марширующими на плацу фигурками германских солдат, ехидно жалуется: «Раздразнили аппетит-то, а потом и довольствуйся какой-нибудь тысячей сухопарых арабов, да итальянцев, да сотней-другой братушек. Обижаете старуху!»¹⁹.

На этом неприглядном фоне происходит удивительное: сатирики постепенно начинают испытывать нечто подобное сочувствию к традиционному, застарелому, как хроническая болезнь, противнику России – Турции. Загнанная в тупик натиском итальянских войск и началом первой Балканской войны, дряхлеющая Порта подошла к мирному договору с Италией, подписанному в Лозанне в октябре 1912 г., с потерями, почти в десять раз превышавшими соответствующие потери своего противника. Не без ноты сочувствия к туркам и не без критического взгляда на Италию журнал «Сатирикон» изображает сцену мирных переговоров между сторонами завершающегося конфликта. С глумливой улыбкой итальянец обращается к покалеченному турку:

– Брось сердиться, турок. Протянем друг другу руки»²⁰.

Сарказм карикатуриста А. Радакова очевиден: руки-то у турка отрублены. И понятно, кем...

Тема сочувствия к Турции (но, что важно, не к государству, а к простому народу, страдающему от войны) нарастает и в журнале «Шут», изображающем на своей обложке бедного, растерянного простолюдина-турка, с которого толпа представителей разных европейских народов сдирает ос-

¹⁸ Сатирикон. 1912. № 38. С. 16.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

татки одежды. Карикатура отражает реальность именно этого переходного времени – завершения войны с Италией на фоне начала Первой Балканской войны. Теряющий не только одежду, но и равновесие турок, пытаясь устоять на ногах, в ужасе восклицает:

– Только что содрал с меня рубашку итальянец, а теперь и со штанами приходится расставаться... Как я в Европе покажусь?!²¹.

Карикатурист М. Михайлов как в воду глядел: присутствию Османской империи в Европе в ближайшие годы предстояло сокращаться со скоростью шагреновой кожи. Война с Италией сыграла в этом смысле роль мощного катализатора этого процесса.

Но была ли воспринята при этом бросившая вызов Турции Италия как *друг*, – в смысле – *враг моего врага*? Реакция русских сатирических журналов свидетельствует о более сложной картине восприятия итало-турецкого столкновения. Молодой итальянский агрессор, покусившийся на владения исторического противника и соперника России, воспринимается в печати всё более критично по мере разрастания конфликта и его приближения к зоне геополитических интересов России.

Такой эволюции восприятия (критический взгляд на итальянцев и сочувствующий – на турок) легко найти рационально-прагматическое объяснение: российской дипломатии так и не удалось использовать ситуацию для обретения «свободы рук» в проливах. Но визуальное ощущение от всего комплекса карикатуры, публикуемой в сатирических изданиях по данной теме, а также эмоциональный настрой стихов и политических анекдотов на военные сюжеты говорят о более глубоких основаниях антивоенной критики. Война как таковая воспринимается русскими сатириками прежде всего этически – как грех, преступление, непозволительный способ удовлетворения внешнеполитических амбиций вооружённым путём, чреватый дальнейшей эскалацией мировой конфликтности. Главная же вина за все беды, сопутствующие войне, возлагается, в первую очередь, на великие державы Запада, потакающие агрессии и извлекающей выгоды из региональных конфликтов.

Опыт прошедшего со времени Ливийской войны столетия полностью подтверждает справедливость политических опасений, порождавших невесёлые шутки-предупреждения русских сатириков.

Список литературы:

1. *Issawi Ch.* The Economic History of Turkey. 1800 – 1914. Chicago. 1980.
2. *Kinglake A. W.* Eothen. London: J. Ollivier, 1847.
3. *Wheatcroft A.* Infidels. A History of the Conflict between Christendom and Islam. L.: Penguin Dooks Ltd., 2004.
4. *Иванов С. М.* Торгово-экономическое соперничество западных держав в Османской империи и формирование в ней зон иностранного экономи-

²¹ Шут. 1912. № 43.

- ческого влияния // Внешнеэкономические связи Османской империи в Новое время (конец XVIII – начало XX в.) М., 1989.
5. *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2001.
 6. *Петрачки Дж.* Груз наследия. Дипломатические отношения Италии и России (1861 – 1922) // Родина. 2011. № 4.

THE LIBYAN WAR 1911 – 1912 IN THE MIRROR OF RUSSIAN SATIRICAL JOURNALISM

T. A. Filippova

the Russian Academy of Sciences,
Institute of oriental studies, Department of history of the East, Moscow

The article «Libyan War of the 1911–1912 in the mirror of Russian satirical journalism» deals with the impression of the events in Northern Africa and in the Gulfs, connected with the Italian-Turkish war in the Russian satirical journals («Satyricon» and «Joker»). The main object of the study is a process of construction of the enemy image of the «Turk» and the «Italian» on the pages of Russian press as a reflection of the Russian society attitude towards the war.

Keywords: Italo-Turkish War, Libyan War of the 1911–1912, Tripolitania, Ottoman Empire at the beginning of the XXth century, «the Eastern question», Italian imperialism in Africa, Russian satirical journals.

Об авторе:

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора Российского исторического журнала «Родина», научный сотрудник отдела истории Востока ИВ РАН.

FILIPPOVA Tatiana Alexandrovna – PhD in History, deputy editor of the Russian historical monthly «Rodina», a researcher at the Department of History, Institute of Oriental Studies, RAS.

E-mail: filipova2006@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 8. 06.2011.